

Иван Алексеевич Бунин

Стихотворения 1912-1917

Бунин Иван Алексеевич
Стихотворения 1912-1917

Иван Бунин

Стихотворения 1912 -1917

ПСКОВСКИЙ БОР

Вдали темно и чащи строги. Под красной
мачтой, под сосной Стою и медлю - на пороге
В мир позабытый, но родной.

Достойны ль мы своих наследий? Мне бу-
дет слишком жутко там, Где тропы рысей и
медведей Уводят к сказочным тропам,

Где зернь краснеет на калине, Где гниль
покрыта ржавым мхом И ягоды туманно-си-
ни На можжевельнике сухом. 23.VII.12

ДВА ГОЛОСА

- Ночь, сынок, непроглядная, А дорога глу-
ха...

- Троеперого знахарю Я отнес петуха.

- Лес, дремучий, разбойничий, Темен с дав-
них времен...

(*342) - Нож булатный за пазухой Горячо
наточен!

- Реки быстры и холодны, Перевозчики
спят...

- За рекой ветер высушит Мой нехитрый
наряд!

- А когда же мне, дитяtko, Ко двору тебя

ждать?

- Уж давай мы как следует Попрощаемся,
мать! 23.VII.12

ПРАЩУРЫ

Голоса с берега и с корабля

"Лицом к туманной зыби хороните На бе-
регу песчаном мертвецов..."

- Плыдем в туман. Над мачтою, в зените Ту-
манный лик... Чей это слабый зов?

"Мы дышим ночью, морем и туманом, Нам
хорошо в его сыром пару..."

- А! На холме, пустынном и песчаном, Пол-
ночный вихрь проносится в бору!

"Мы ль не любили зыбь и наши юмы? Мы
ль не крепили в бурю паруса?"

- В туман холодный, медленный, угрюмый,
Скрывается песчаная коса. 24.VII.12

(*343)

* * *

Ночь зимняя мутна и холодна, Как мерт-
вая, стоит в выси луна. Из радужного бледно-
го кольца Глядит она на след мой у крыльца,
На тень мою, на молчаливый дом И на ку-
старник в инее густом. Еще блестит оконное
стекло, Но волчьей мглой поля заволокло, На

севере огни полночных звезд Горят из мглы,
как из пушистых гнезд.

Снег меж кустов, туманно-голубой, Осыпан
жесткой серою крупой. Таинственным дыха-
нием гоним, Туман плывет, - и я мешаюсь с
ним.

И меркнет тень, и двинулась луна, В свой
бледный свет, как в дым, погружена, И кажет-
ся, вот-вот и я пойму Незримое - идущее в ды-
му От тех земель, от тех предвечных стран,
Где гробовой чернеет океан, Где, наступив на
ледяную Ось, Превыше звезд восстал Великий
Лось И отражают бледные снега Стоцветные
горящие рога. 25.VII.12

НОЧНАЯ ЗМЕЯ

Глаза козюли, медленно ползущей К своей
норе вечную сонной пущей, Горят, как угли.
Сумрачная мгла Стоит в кустах - и вот она за-
жгла Два ночника, что зажигать дано ей
Лишь девять раз, и под колючей хвоей Вла-
чит свой жгут так тихо, что сова,

(*344) Плывя за ней, следит едва-едва Шур-
шанье мхов. А ночь темна в июле, А враг вез-
де - и страшен он козюле В ночном бору, где
смолк обычный шум: Она сосредоточила весь

ум, Всю силу зла в своем горящем взгляде, И даже их, ежей, идущих сзади, Пугает яд, когда она в пути Помедлит, чтоб преграду обойти, Головку приподымет, водит жалом Над мухомором, сморщенным и алым, Глядит на пни, торчащие из ям, И светит полусонным муравьям. 28.VII.12

НА ПУТИ ИЗ НАЗАРЕТА

На пути из Назарета Встретил я святую деву. Каменистая синела Самария вокруг меня, Каменистая долина С юга шла - а по долине Семенил ушастый ослик Меж посевов ячменя.

Тот, кто гнал его, был в пыльном И запла- танном кунбазе, Стар, с блестящими глазами, Сизо-черен и курчав. Он, босой и легконогий, За хвостом его поджатым Гнался с палкою, виляя От колючек сорных трав. '

А на нем, на этом дробном, Убегавшем мелкой рысью Сером ослике, сидела Мать с ребенком на руках: (*345) Как спокойно под- нялися Аравийские ресницы Над глубоким теплым мраком, Что сиял в ее очах!

Поклонялся я, Мария, Красоте твоей небес- ной В странах франков, в их капеллах, Пол-

ных золота, огней, В полумраке величавом
Древних рыцарских соборов, В полумгле сто-
цветных окон Сакристий и алтарей.

Там, под плитами, почивают Короли, святые,
папы, Имена их полустерты И в забвении де-
ла. Там твой сын, главой поникший, Темный
ликом, в муках крестных. Ты же - в юности
нетленной: Ты, и скорбная, светла.

Золотой венец и ризы Белоснежные - я
всюду Их встречал с восторгом тайным: При
дорогах, на полях, Над бурунами морскими, В
шуме волн и криках чаек, В темных камен-
ных пещерах И на старых кораблях.

Корабли во мраке, в бурях Лишь тобой од-
ной хранимы. Ты - Звезда морей: со скрипом
Зарываясь в пене их И огни свои качая, Мач-
ты стойко держат парус, Ибо кормчему незри-
мо Светит свет очей твоих. (*346) Над безуми-
ем бурунов В ясный день, в дыму прибоя, Ты
цветешь цветами радуг, Ночью, в черных па-
стях гор, Озаренная лампадой, Ты, как лилия,
белеешь, Благодатно и смиренно Преклонив
на четки взор.

И к стопам твоим пречистым, На алтарь
твой в бедной нише При дорогах меж садами,

Всяк свой дар приносим мы: Сирота-служанка - ленту, Обрученная - свой перстень, Мать - свои святые слезы, Запоньяр - свои псалмы.

Человечество, венчая Властью божеской тиранов, Обагривая руки кровью В жажде злата и раба, И само еще не знает, Что оно иного жаждет, Что еще раз к Назарету Приведет его судьба! 31.VII.12

В СИЦИЛИИ

Монастыри в предгориях глухих, Наследие разбойников морских, Обители забытые, пустые
Моя душа жила когда-то в них: Люблю, люблю вас, келии простые, Дворы в стенах тяжелых и нагих, Валы и рвы, от плесени седые, (*347) Под башнями кустарники густые И глыбы скользких пепельных камней, Загромоздивших скаты побережий, Где сквозь маслины кажется синей Вода у скал, где крепко треплет свежий, Соленый ветер листьями маслин И на ветру благоухает тмин! 1.VIII.12

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

"Дай мне звезду,- твердит ребенок сонный, Дай, мамочка..." Она, обняв его, Сидит с ним на балконе, на ступеньках, Ведущих в сад. А сад, степной, глухой, Идет, темнея, в су-

мрак летней ночи, По скату к балке. В небе,
на востоке, Краснеет одинокая звезда.

"Дай, мамочка..." Она с улыбкой нежной
Глядит в худое личико: "Что, милый?" "Вон ту
звезду..." - "А для чего?" - "Играть..."

Лепечут листья сада. Тонким свистом Сур-
ки в степи скликаются. Ребенок Спит на коле-
не матери. И мать, Обняв его, вздохнув счаст-
ливым вздохом, Глядит большими грустными
глазами На тихую далекую звезду...

Прекрасна ты, душа людская! Небу, Бездон-
ному, спокойному, ночному, Мерцанью звезд
подобна ты порой! 1.VIII.12

(*348)

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

Едет стрелок в зелен`ые луга, В тех ли лу-
гах осока да куга, В тех ли лугах все чемер да
цветы, Вешней водою низы налиты. - Белый
Олень, Золотые Рога! Ты не топчи заливные
луга.

Прянул Олень, увидавши стрелка, Конь бо-
гатырский шатнулся слегка, Плеткой стрелок
по Оленю стебнул, Крепкой рукой самострел
натянул, Да опустилась на гриву рука: Белый
Олень, погубил ты стрелка!

- Ты не стебай, не стреляй, молодец, При-
мешь ты скоро заветный венец, В некое вре-
мя сгожусь я тебе, С луга к веселой приду я из-
бе: Тут и забавам стрелецким конец Будешь
ты дома сидеть, молодец.

Стану, Олень, на дворе я с утра, Златом ро-
гов освечу полдвора, Сладким вином поезжан
напою, Всех особливей невесту твою: Чтоб не
мочила слезами лица, Чтоб не боялась коль-
ца и венца. 1.VIII.12

АЛИСАФИЯ

На песок у моря синего Золотая верба кло-
нится. Алисафия за братьями По песку мор-
скому гонится.

(*349) - Что ж вы, братья, меня кинули? Где
же это в свете видано? - Покорись, сестра: ты
батюшкой За морского Змея выдана.

- Воротитесь, братья милые! Хоть еще раз
попрощаемся! - Не гонись, сестра: мы к маче-
хе Поспешаем, ворочаемся.

Золотая верба по ветру Во все стороны кло-
нилася. На сырой песок у берега Алисафия са-
дилася.

Вот и солнце опускается В огневую зыбь
помория, Вот и видит Алисафия: Белый конь

несет Егория.

Он с коня слезает весело, Отдает ей повод с плеткою: - Дай уснуть мне, Алисафия, Под твоей защитой кроткою.

Лег и спит, и дрогнет с холоду Алисафия покорная. Тяжелеет солнце рдяное, Стала зыбь к закату черная.

Закипела она пеною, Зашумела, закурчавилась: - Встань, проснись, Егорий-батюшка! Шуму на море прибавилось.

Поднялась волна и на берег Шибко мчит глаза змеиные: - Ой, проснись,- не медли, суженый, Ни минуты ни единые!

(*350) Он не слышит, спит, покоится. И заплакала, закрылася Алисафия - и тяжкая По щеке слеза скатилась

И упала на Егория, На лицо его, как олово. И вскочил Егорий на ноги И срубил он Змею голову.

Золотая верба, звездами Отягченная, склоняется, С нареченным Алисафия В божью церковь собирается. VIII.12

ПОТОМКИ ПРОРОКА

Не мало царств, не мало стран на свете. Мы любим тростниковые ковры, Мы ходим

не в кофейни, а в мечети, На солнечные тихие дворы.

Мы не купцы с базара. Мы не рады, Когда вступает пыльный караван В святой Дамаск, в его сады, ограды; Нам не нужны подачки англичан.

Мы терпим их. Но ни одежды белой, Ни белых шлемов видеть не хотим. Написано: чужому зла не делай, Но и очей не подымай пред ним.

Скажи привет, но помни: ты в зеленом. Когда придут, гляди на кипарис, Гляди в лазурь. Не будь хамелеоном, Что по стене мелькает вверх и вниз. VIII.12

(*351)

* * *

Шипит и не встает верблюд, Ревут, урчат бока скотины. - Ударь ногой. Уже поют В расвете алом муэззины.

Стамбул жемчужно-сер вдали, От дыма сизо на Босфоре, В дыму выходят корабли В седое Мраморное море.

Дым смешан с холодом воды, Он пахнет медом и ванилью, И вами, белые сады, И кизяком, и росной пылью.

Выносит красный самовар Грек из кофей-
ни под каштаном, Баранов гонят на базар,
Проснулись нищие за ханом:

Пора идти, глядеть весь день На зной и
блеск, и все к востоку, Где только птиц косая
тьень Бежит по выжженному дреку. VIII.12

УГОЛЬ

Могол Тимур принес малютке-сыну Огнем
горящий уголь и рубин. Он мудрый был: не к
камню, не к рубину В восторге детском ки-
нулся Имин.

(*352) Могол сказал: "Кричи и знай, что
пленка Уже легла на меркнувший огонь". Но
бог мудрей: бог пожалел ребенка Он сам по-
дул на детскую ладонь. VIII.12

СУДНЫЙ ДЕНЬ

В щит золотой, висящий у престола, Ко-
пьем ударит ангел Израфил И саранчой вдоль
сумрачного дола Мы потечем из треснувших
могил.

Щит загудит - и ты восстанешь, боже, И
тьень твоя падет на судный дол, И будет
твердь подобна красной коже, Повергнутой
кожевником в рассол. 8.VIII.12

НОЯБРЬСКАЯ НОЧЬ

Туман прозрачный по полям Идет на-
встречу мне, Луны касаясь по краям, Мелькая
в вышине. В полях не мало борозд, ям, Невид-
ных при луне.

Что там? Не речки ль полоса? Нет, это зеле-
ня. Блестит холодная роса На гриве у коня И
дышат ладаном леса, Раскрытые до пня.

8.VIII.12

ЗАВЕСА

Так говорит господь: "Когда, мой раб люби-
мый, Читаешь ты Коран среди врагов моих, Я
разделяю вас завесою незримой, Зане смешон
врагам мой сладкозвучный стих".

И сокровенных чувств, и тайных мыслей
много От вас я утаил. Никто моих путей, Ни-
кто моей души не знает, кроме бога: Он сам
нас разделил завесою своей. 8.VIII.12

РИТМ

Часы, шипя, двенадцать раз пробили В со-
седней зале, темной и пустой, Мгновения, бе-
гущие чредой К неизвестности, к забвению, к
могиле,

На краткий срок свой бег остановили И
вновь узор чеканят золотой: Заворожен рит-
мической мечтой, Вновь отдаюсь меня стре-

мящей силе.

Раскрыв глаза, гляжу на яркий свет И слышу сердца ровное биенье, И этих строк размеренное пенье, И мыслимую музыку планет.

Все ритм и бег. Бесцельное стремленье!
Но страшен миг, когда стремленья нет.

9.VIII.12

(*354)

* * *

Как дым пожара, туча шла. Молчала старая дорога. Такая тишина была, Что в ней был слышен голос бога, Великий, жуткий для земли И внятнЫй не земному слуху, А только внемлющему духу. Жгло солнце. Блеклые, в пыли, Серели травы. Степь роняла Беззвучно зерна - рожь текла Как бы крупинками стекла В суглинок жаркий. Тонко, вяло, Седые крылья распутив, Птенцы грачей во ржи кричали. Но в духоте песчаных нив Терялся крик. И вырастали На юге тучи. И листва Ветлы, склоненной к их подножью, Вся серебристой млела дрожью В грядущем страхе божества.

10.VIII.12

ГРОБНИЦА

Глубокая гробница из порфира, Клоки пар-

чи и два крутых ребра. В костях руки - железная секира, На черепе - венец из серебра.

Надвинут он на черные глазницы, Сквозит на лбу, блестящем и пустом. И тонко, сладко пахнет из гробницы Истлевшим кипарисовым крестом. 10.VIII.12

(*355)

СВЕТЛЯК

Леса, пески, сухой и теплый воздух, Напев сверчков, таинственно простой. Над головою - небо в бледных звездах, Под хвоей - сумрак, мягкий и густой.

Вот и она, забытая, глухая, Часовенка в бору: издалека Мерцает в ней, всю ночь не потухая, Зеленая лампадка светляка.

Когда-то озаряла нам дорогу Другая в этой сумрачной глуши... Но чья святей? Равн`о угоден богу Свет и во тьме немеркнувшей души. Под Себежем, 24.VIII.12

СТЕПЬ

Синий ворон от падали Алый клюв поднимал и глядел. А другие косились и прядали, А кустарник шумел, шелестел.

Синий ворон пьет глазки до донушка, Собирает по косточкам дань. Сторона ли моя,

ты, сторонушка, Вековая моя глухомань!
21.IX.12

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Среди кривых стволов, среди ветвей коря-
вых Ползет молочный дым: окуривают сад.
Все яблони в цвету - и вот, в зеленых травах,
Огни, как языки, краснеют и дрожат.

(*356) Бесцветный запад чист - жди к пол-
ночи мороза. И соловьи всю ночь поют из
теплых гнезд В дурмане голубом дымящего
навоза, В серебряной пыли туманно-ярких
звезд. 2.III.13

МАТРОС

Ночью в море крепко спать хотелось, Из-
мотало зыбью нашу барку, На носу - угодника
Никола, На корме - малиновый фонарик.

А пришли к Патрасу - рассветает, Море за-
штилело, зеленеет, На востоке, светлом,
апельсинном, Розовеют снеговые горы.

У кого есть деньги, тот в кофейне, Пьет ма-
стику или чай с лимоном Э, успею выспаться!
Скорее Дай мне сыру и вина покрепче!

Сладко ослабею, сытый, пьяный, Забурлю
кальяном, а хозяин Будет усмехаться - и от
смеха Нос его короткий станет клювом.

СВЯТОГОР

В чистом поле, у камня Ал`атыря, Будит конь Святогора-бог`атыря:

Грудью пал на колчан Святогор. Ворон по полю плавает, каркая. Свет-заря помутилася жаркая.

Месяц встал на полночный дозор. (*357)
Ой, не спит Святогор,- притворяется! Конь ле-гонько копытом касается

До плеча в золоченой резьбе: "Я ль не сы-тый пшеницею яровой? Я ль не крытый попо-ною жаровой?

Мне ль Ивана носить на себе?"

В чистом поле, у камня Ал`атыря, Светит месяц по шлему бог`атыря:

Принял божию смерть Святогор. Конь вздыхает, ревет по-звериному: Он служил гос-подину единому!

А Иван распахнул бел шатер:

Он ползет по росе, подкрадается, Он тата-рином диким гоняется,

Он за гриву хватает коня. Ночь за ночью идет, ворон каркает, Ветром конь вкрут Ал`атыря шаркает,

Стременами пустыми звеня. Анакапри,
8.III.13

ЗАВЕТ СААДИ

Будь щедрым, как пальма. А если не можешь, то будь Стволом кипариса, прямым и простым - благородным. Трапезонд, VI.13

ДЕДУШКА

Дедушка ест грушу на лежанке, Деснами кусает спелый плод. Поднял плеч костлявые останки И втянул в них череп, как урод.

(*358) Глазки - что коринки, со звериной Пустотой и грустью. Все забыл. Уж запасся гробовой холстиной, Но к еде - какой-то лютый пыл.

Чует: отовсюду обступила, Смотрит на лежанку, на кровать Ждущая, томительная Сила... И спешит, спешит он - дожевать.

19.VIII.13

МАЧЕХА

У меня, сироты, была мачеха злая. В избу пустую ночью пришла я:

В темные леса гнала меня мати Жито сырое молоть, просевати.

Много смолола я - куры не пели, Слышу - дверные крюки заскрипели,

Глянула - вижу железные роги, Черную Мати, косматые ноги.

Брала меня Мати за правую руку, Вела меня Мати к венцу да на муку,

За темные леса, за синие боры, За быстрые реки, за белые горы.

Ой, да я леса прошла со свечами, В плынь я плыла по рекам со слезами,

В трубы по белым горам я трубила: Слушайте, людя, кого я любила! 20.VIII.13

(*359)

ОТРАВА

Свекровь-госпожа в терему до полден за-спалась: Спи, р`одная, спи, я одна, молода, убралась! Серьгу и кольцо я в бору колдуну отдала, Питье на меду да на сладком корню развела.

И черен и смолен зеленый за теремом бор. Сынок твой воротится, сыщет под лавкой топор: "Сынок, не буди меня: клонит старуху ко сну. Сруби мне два дерева - ель да рудую сосну".

- Ин, ель на постель, а сосну?- "А ее на кровать: На бархате смольном в гробу золотом почивать, На хвое примятой княгиню поло-

жите вы, С болотною мятой округ восковой
головы..."

Уж как же я буду за церковь выть, голо-
сить! Уж как же я выйду на ране покосы ко-
сить! В коралл, в костенику я косы свои уберу,
Шальнойю и дикой завьюсь, замотаюсь в бору!

20.VIII.13

МУШКЕТ

Видел сон Мушкет: Видел он азовские по-
долья, На бурьяне, на татарках - алый цвет, А
в бурьяне - ржавых копий колья.

Черт повил в жгуты, Засушил в крови ка-
зачьи чубы. Эх, Мушкет! А что же делал ты?
Видишь ли оскаленные зубы?

Твой крестовый брат В Цареграде был по-
сажен на кол. Брат зовет Мушкета в Цареград
И Мушкет проснулся и заплакал.

(*360) Встал, жену убил, Сонных зарубил
своих малюток, И пошел в туретчину, и был В
Цареграде через сорок суток.

И турецкий хан Отрубил ему башку седую,
И швырнули ту башку в лиман, И плыла она,
качаясь, в даль морскую.

И глядела в высь, К господу глаза ее гляде-
ли. И господь ответил: "Не журишь, Не тужи,

Мушкет,- попы тебя отпели". VIII.13

ВЕНЕЦИЯ

Восемь лет в Венеции я не был... Всякий раз, когда вокзал минуешь И на пристань выйдешь, удивляет Тишина Венеции, пьянешь От морского воздуха каналов. Эти лодки, барки, маслянистый Блеск воды, огнями озаренной, А за нею низкий ряд фасадов Как бы из слоновой грязной кости, А над ними синий южный вечер, Мокрый и ненастный, но налитый Синевою мягкою, лиловой, Радостно все это было видеть!

Восемь лет... Я спал в давно знакомой Низкой, старой комнате, под белым Потолком, расписанным цветами. Утром слышу,- колокол: и звонко И певуче, но не к нам зовет Этот чистый одинокий голос, (*361) Голос давней жизни, от которой Только красота одна осталась! Утром косо розовое солнце Заглянуло в УЗКИЙ переулок, Озаряя отблеском от дома, От стены напротив - и опять я Радостную близость моря, воли Ощутил, увидевши над крышей, Над бельем, что по ветру трепалось, Облаков сиреневые клочья В жидком, влажно-бирюзовом небе. А потом на крышу прибе-

жала И белье снимала, напевая, Девушка с раскрытой головою, Стройная и тонкая... Я вспомнил Капри, Грациэллу Ламартина... Восемь лет назад я был моложе, Но не сердцем, нет, совсем не сердцем!

В полдень, возле Марка, что казался Патриархом Сирии и Смирны, Солнце, улыбаясь в светлой дымке, Перламутром розовым слепило. Солнце пригревало стены Дожей, Площадь и воркующих, кипящих Сизых голубей, клевавших зерна Под ногами щедрых форестьеров. Все блестело - шляпы, обувь, трости, Щурились глаза, сверкали зубы, Женщины, весну напоминая Светлыми нарядами, раскрыли Шелковые зонтики, чтоб шелком Озаряло лица... В галерее Я сидел, спросил газету, кофе И о чем-то думал... Тот, кто молод, Знает, что он любит. Мы не знаем Целый мир мы любим... И далеко, За каналы, за лежавший плоско И сиявший в тусклом блеске город, За лагуны Адрии зеленой, В голубой простор глядел крылатый (*362) Лев с колонны. В ясную погоду Он на юге видит Апеннины, А на сизом севере - тройные Волны Альп, мерцающих над синью Платиной горбов своих ледя-

НЫХ...

Вечером - туман, молочно-серый, Дымный, непроглядный. И пушисто Зеленеют в нем огни, столбами Фонари отбрасывают тени. Траурно Большой канал чернеет В россыпи огней, туманно-красных, Марк тяжел и древен. В переулках Слякоть, грязь. Идут посередине, В опере как будто. Сладко пахнут Крепкие сигары. И уютно В светлых галереях - ярко блещут Их кафе, витрины. Англичане Покупают кружево и книжки С толстыми шершавыми листами, В переплетах с золоченой вязью, С грубыми застежками... За мною Девочка пристряла - все касалась До плеча рукою, улыбаясь Жалостно и робко: "Mi d'un soldo!"¹ Долго я сидел потом в таверне, Долго вспоминал ее прелестный Жаркий взгляд, лучистые ресницы И лохмотья... Может быть, арабка?

Ночью, в час, я вышел. Очень сыро, Но тепло и мягко. На пьядетте Камни мокры. Нежно пахнет морем, Холодно и сыро воню скользких Темных переулков, от канала Свежестью арбуза. В светлом небе Над пьядеттой, против папских статуй На фасаде церкви - бледный месяц:

(*363) То сияет, то за дымом тает, За осенней мглой, бегущей с моря. "Не заснул, Энрико?" - Он беззвучно, Медленно на лунный свет выводит Длинный черный катафалк гондолы, Чуть склоняет стан - и вырастает, Стоя на корме ее... Мы долго Плыли в узких коридорах улиц, Между стен высоких и тяжелых...

В этих коридорах - баржи с лесом, Барки с солью: стали и ночуют. Под стенами - сваи и ступени, В плесени и слизи. Сверху - небо, Лента неба в мелких бледных звездах... В полночь спит Венеция,- быть может, Лишь в притонах для воров и пьяниц, За вокзалом, светят щели в ставнях, И за ними глухо слышны крики, Буйный хохот, споры и удары По столам и столикам, залитым Марсалай и вермутом... Есть прелесть В этой поздней, в этой чадной жизни Пьяниц, проституток и матросов! "Но amato, amo, Desdemona"², Говорит Энрико, напевая, И, быть может, слышит эту песню Кто-нибудь вот в этом темном доме Та душа, что любит... За оградой Вижу садик; в чистом небосклоне Голые, прозрачные деревья, И стеклом блестят они, и пахнет Сад вином и медом... Этот винный Запах листьев

тоньше, чем весенний! Молодость груба, жадна, ревнива, Молодость не знает счастья - видеть Слезы на ресницах Дездемоны, Любящей другого...

(*364) Вот и светлый Выход в небо, в лунный блеск и воды! Здравствуй, небо, здравствуй, ясный месяц, Перелив зеркальных вод и тонкий Голубой туман, в котором сказкой Кажутся вдали дома и церкви! Здравствуйте, полночные просторы Золотого млеющего взморья И огни чуть видного экспресса, Золотой бегущие цепочкой По лагунам к югу!
30.V111.13 1 "Дай мне сольдо!" (итал.) 2 "Я любил, люблю, Дездемона" (итал.).

* * *

Теплой ночью, горною тропинкой, Я иду в оливковом лесу. Вижу в небе белый, ясный месяц, В сердце радость мирную несу.

Свет и тень по мне проходят сетью. Редкий лес похож на серый сад. Над горой далекой и высокой Две звезды полночные лежат.

Вот и дома. Белый, ясный месяц Против белой мазанки моей. И всю ночь хрустальными ручьями Звон цикад журчит среди камней.
4.IX.13

МОГИЛЬНАЯ ПЛИТА

Опять знакомый дом...

Огарев.

Могильная плита, железная доска,

В густой траве растающая в землю, И мне
печаль могил понятна и близка,

И я родным преданьям внемлю. (*365) И я
"люблю людей, которых больше нет",

Любовью всепрощающей, сыновней. По-
следний их побег, я не забыл их след

Под старой, обветшалой часовней. Я моло-
дым себя, в своем простом быту,

На бедном их погосте вспоминаю. Послед-
ний их побег, под эту же плиту

Приду я лечь - и тихо лягу - с краю. 6.IX.13

ПОСЛЕ ОБЕДА

Сквозь редкий сад шумит в тумане море И
тянет влажным холодом в окно. Сирена на ту-
манном косогоре Мычит и мрачно и темно.

Лишь гимназистка с толстыми косами Од-
на не спит,- одна живет иным, Хватая жадно
синими глазами Страницу за страницей
"Дым". 6.IX.13

ГОСПОДЬ СКОРБЯЩИЙ

Возвал господь, скорбящий о Сионе, И Ан-

гелов Служения спросил: "Погибли стяги, воинство и кони, Что сделал Царь, покорный богу Сил?"

И Ангелы Служения сказали: "Он вретищем завесил тронный зал, Он потушил светильники в том зале, Он скорбь свою молчанием связал".

(*366) Воззвал господь: "И я завешу тьмою, Как вретищем, мной созданную твердь, Я потушу в ней солнце и сокрою Лицо свое, да правит в мире Смерть!"

И отошел с покинутого трона К тем тайникам, чье имя - Мистарим, И плакал там о гибели Сиона, Для Ангелов Служения незрим. Капри, 10.ИИ.14

ИАКОВ

Иаков шел в Харан и ночевал в пути, Затем что пала ночь над той пустыней древней. Царь говорит рабам: "Вот должен друг прийти. Гасите все огни,- во мраке мы душевней".

Так повелел господь гасить светило дня, Чтоб тайную вести с Иаковым беседу, Чтоб звать его в нощи: "Восстань, бори меня И всей земле яви мой знак, мою победу!" Капри, 10.ИИ.14

МАГОМЕТ И САФИЯ

С`афия, проснувшись, заплетает ловкой Голубой рукою пряди черных кос: "Все меня ругают, Магомет, жидовкой", Говорит сквозь слезы, не стирая слез.

Магомет, с усмешкой и любовью глядя, Отвечает кротко: "Ты скажи им, друг: Авраам - отец мой, Моисей - мой дядя, Магомет - супруг". 24.III.14

(*367)

* * *

Плакала ночью вдова: Нежно любила ребенка, но умер ребенок. Плакал и старец-сосед, прижимая к глазам рукава, Звезды светили, и плакал в закуте козленок.

Плакала мать по ночам. Плачущий ночью к слезам побуждает другого Звезды слезами текут с небосклона ночного, Плачет господь, рукава прижимая к очам. 24.III.14

ТОРА

Был с богом Моисей на дикой горной круче, У врат небес стоял как в жертвенном дыму: Сползали по горе грохочущие тучи И в голосе громов бог говорил ему.

Мешалось солнце с тьмой, основы скал

дрожали, И видел Моисей, как зиждилась Она: Из белого огня - раскрытые скрижали, Из черного огня - святые письма.

И стиль - незримый стиль, чертивший их узоры, Бог о главу вождя склоненного отер, И в пламенном венце шел восприемник Торы К народу своему, в свой стан и свой шатер.

Воспойте песнь ему! Он радостней и краше Святильника Седьми пред божьим алтарем: Не от него ль зажгли мы пламенники наши, Ни света, ни огня не уменьшая в нем? Рим, 24.III.14

(*368)

НОВЫЙ ЗАВЕТ

С Иосифом господь беседовал в ночи, Когда святая мать с младенцем почивала:

"Иосиф! Близок день, когда мечи Перекуют народы на орала. Как нищая вдова, что плачет в час ночной О муже и ребенке, как пророки Мой древний дом оплакали со мной, Так проливает мир кровавых слез потоки. Иосиф! Я расторг с жестокими завет. Исполни в радости господнее веленье: Встань, возвратись в мой тихий Назарет И всей земле яви мое благовеленье". Рим, 24.III.14

ПЕРСТЕНЬ

Рубины мрачные цвели, чернели в нем,
Внутри пурпурно-кровяные, Алмазы вспыхивали розовым огнем,
Дробясь, как слезы ледяные.
Бесценными играл заветный перстень мой,

Но затаенными лучами: Так светит и горит
сокрытый полутьмой

Старинный образ в царском храме.

И долго я глядел на этот божий дар

С тоскою, смутной и тревожной, И опускал
глаза, переходя базар,

В толпе крикливой и ничтожной. 7.I.15

Москва

(*369)

СЛОВО

Молчат гробницы, мумии и кости,

Лишь слову жизнь дана: Из древней тьмы,
на мировом погосте,

Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!

Умейте же беречь Хоть в меру сил, в дни
злобы и страданья,

Наш дар бессмертный - речь. 7.I.15 Москва

* * *

Просыпаюсь в полумраке. В занесенное окно Смуглым золотом Исакий Смотрит дивно и темно.

Утро сумрачное снежно, Крест ушел в густую мглу. За окном уютно, нежно Жмутся голуби к стеклу.

Все мне радостно и ново: Запах кофе, люстры свет, мех ковра, уют алькова И сырой мороз газет. 17.I.15 Петербург

СВЯТОЙ ЕВСТАФИЙ

Ловец великий перед богом, Я алчен в молодости был. В восторге буйном, злом и строгом, (*370) По горним долам и отрогам, Я расточал мой ловчий пыл.

- Простите, девственные сени Языческих родимых мест. Ты сокрушил мои колени, Смиренный Взор, голгофский Крест.

Вот дал я волю пестрым сворам, Узду коню: рога, рога Летят над лиственным узором, А я - за ними, пьян простором, Погоней, жаждою врага.

- Простите, девственные сени, Поющий лес, гремящий бор. Ты сокрушил мои колени, Голгофский Крест, смиренный Взор:

Мрак и стволы великой чащи, Органных
труб умолкший ряд, Взор, и смиренный и гро-
зящий, И крест из пламени, горящий В рогах,
откинутых назад. 27.VIII.15 Васильевское

ПОЭТУ

В глубоких колодцах вода холодна, И чем
холоднее, тем чище она. Пастух нерадивый
напьется из лужи И в луже напоит отару
свою, Но добрый опустит в колодец бадью, Ве-
ревку к веревке привяжет потуже. (*371) Бес-
ценный алмаз, оброненный в ночи, Раб ищет
при свете грошовой свечи, Но зорко он смот-
рит по пыльным дорогам, Он ковшиком дер-
жит сухую ладонь, От ветра и тьмы ограждая
огонь И знай: он с алмазом вернется к черто-
гам. 27.VIII.15 Васильевское

* * *

Взойди, о Ночь, на горний свой престол,
Стань в бездне бездн, от блеска звезд туман-
ной, Мир тишины исполни первозданной И
сонных вод смири немой глагол.

В отверстый храм земли, небес, морей
Вновь прихожу с мольбою и тоскою: Коснись,
о Ночь, целящею рукою, Коснись чела, как бо-
жий иерей.

Дала судьба мне слишком щедрый дар, Виденья дня безмерно ярки были: Росистый хлад твоей епитрахили Да утолит души мятежный жар. 31.VIII.15 Васильевское

НЕВЕСТА

Я косы девичьи плела, На подоконнике сидела, А ночь созвездьями цвела, А море медленно шумело, И степь дрожала в полусне Своим таинственным журчаньем... (*372) Кто до тебя вошел ко мне? Кто, в эту ночь перед венчаньем, Мне душу истомил такой Любовью, нежностью и мукой? Кому я отдалась с тоской Перед последнею разлукой? 2.IX.15

* * *

Роса, при бледно-розовом огне Далекого востока, золотится. В степи сидит пестушка па копне. В степи рассвет, в степи роса дымится.

День впереди, столь радостный для нас, А сзади ночь, похожая на тучу. Спят пастухи. Бараны сбились в кучу, Сверкая янтарями спящих глаз. 2.IX.15

ЦЕЙЛОН Гора Алагалла

В лесах кричит павлин, шумят и плещут ливни, В болотистых низах, в долинах рек - потоп. Слоны залезли в грязь, стоят, подтягив-

ши бивни, Сырые хоботы закинувши на лоб.

На тучах зелень пальм - безжизненной металл,
И, тяжело заступив графитный горизонт,
Глядит из-за лесов нагая Алагалла,
Как сизый мастодонт. 10.IX.15 (*373)

БЕЛЫЙ ЦВЕТ

Пустынник нам сказал: "Благословен господь!
Когда я изнурял бунтующую плоть, Когда я жил в бору над Малым Танаисом,
Я так скорбел порой, что жаловался крысам,
Сбегавшимся из нор на скудный мой обед,
Да спас меня господь от вражеских побед.
И знаете ли чем, какой утехой сладкой?
Я забавлял себя своею сирой хаткой,
Я мел в горах нашел - и за год раза три
Белил ее, друзья, снаружи и внутри.
Ах, темен, темен мир, и чувствуют
лишь дети, Какая тишина и радость в белом цвете!" 10.IX.15

ОДИНОЧЕСТВО Худая компаньонка, иностранка,
Купалась в море вечером холодным
И все ждала, что кто-нибудь увидит,
Как выбежит она, полунагая, В трико, прилипшем к телу,
из прибоя. Потом, надев широкий балахон,
Сидела на песке и ела сливы, А крупный пес с гремящим лаем
прядал В прибрежную

сиреневую кипень И жаркой пастью радостно кидался На черный мяч, который с криком "hop!" Она швыряла в воду... Загорелся Вдали маяк лучистою звездой... Сырел песок, взошла луна над морем, И по волнам у берега ломался, Сверкал зеленый глянec... На обрыве, Что возвышался сзади, в светлом небе, Чернела одинокая скамья... (*374) Там постоял с раскрытой головою Писатель, пообедавший в гостях, Сигару покурил и, усмехнувшись, Подумал: "Полосатое трико Ее па зебру делало похожей". 10.IX.15

* * *

К вечеру море шумней и мутней, Парус и дальше и дымней, Няньки по дачам разносят детей, Ветер с Финляндии, зимний.

К морю иду - все песок да кусты, Сосенник сине-зеленый, С елок холодных срываю кресты, Иглы из хвои воценой.

Вот и скамья, и соломенный зонт, Дальше обрыв - и туманный, Мглисто-багровый морской горизонт, Запад зловеший и странный.

А над обрывом все тот же гамак С томной, капризной девицей, Стул полотняный и с книжкой чудак, Гнутый, в пенсне, бледноли-

ций.

Дремлет, качается в сетке она, Он ей читает Бальмонта... Запад темнеет и свищет сосна,
Тучи плывут с горизонта... 11.IX.15

(*375)

ВОЙНА

От кипарисовых гробниц Взлетела стая
черных птиц, Тюрбэ расстреляно, разбито. Вот
грязный шелковый покров, Кораны с оттиском
подков... Как грубо конское копыто!

Вот чей-то сад; он черен, гол И не о нем ли
мой осел Рыдающим томится ревом? А я - я,
прокаженный, рад Бродить, вдыхая горький
чад, Что тает в небе бирюзовом:

Пустой, разрушенный, немой, Отныне этот
город - мой, Мой каждый спуск и переулок,
Мои все туфли мертвецов, Домов руины и
дворцов. Где шум морской так свеж и гулок!
12.IX.15

ЗАСУХА В РАЮ

От пальм увядших слабы тени. Ища воды,
кричат в тоске Среброголосые олени И пожирают
змей в песке.

В сухом лазоревом тумане Очерчен солнца
алый круг, И сам творец сжимает длани,

Таит тревогу и испуг. 12.IX.15

(*376) * * *

У нубийских черных хижин Мы в пути коней поили. Вечер теплый, тихий, темный Чуть светил шафраном в Ниле.

У нубийских черных хижин Кто-то пел, томясь бесстрастно: "Я тоскую, я печальна Оттого, что я прекрасна..."

Мыши реяли, дрожали, Буйвол спал в прибрежном иле, Пахло горьким дымом хижин, Чуть светили звезды в Ниле. 12.IX.15

* * *

В жарком золоте заката Пирамиды, Вдоль по Нилу, на утеху иностранцам, Шелком в воду светят парусные лодки И бежит луксорский белый пароход. Это час, когда за Нилом пальмы четки, И в Каире блещут стекла алым глянцем, И хедив в ландо катается, и гиды По кофейням отдыхают от господ.

А сиреневые дали Нила к югу, К дикой Нубии, к Порогам, смутны, зыбки И все так же миру чужды, заповедны, Как при Хуфу, при Камбизе... Я привез Лук оттуда и колчан зелено-медный, Щит из кожи бегемота, дротик гибкий, Мех пантеры и суданскую кольчугу,

Но на что все это мне - вопрос. 13.IX.51

(*377)

* * *

Что ты мутный, светел-месяц? Что ты низко в небе ходишь, Не по-прежнему сияешь На серебряные снега?

Не впервой мне, месяц, видеть, Что окно ее высоко, Что краснеет там лампадка За шелковой занавеской.

Не впервой я ворочаюсь Из кружала наглый, пьяный И всю ночь сижу от скуки Под Кремлем с блаженным Ваней.

И когда он спит - дивуюсь! А ведь квольды да и голый... Все смеется, все бормочет, Что башка моя на плахе Так-то весело подскочит!

13.IX.15 Васильевское

КАЗНЬ

Туманно утро красное, туманно, Да все светлей, белее на восходе, За темными, за синими лесами, За дымными болотами, лугами... Вставайте, подымайтесь, псковичи!

Роса дождем легла на пыль, На крыши изб, на торг пустой, На золото церковных глав, (*378) На мой помост средь площади... Точите нож, мочите солью кнут!

Туманно солнце красное, туманно, Кровавое не светит и не греет Над мутными, над белыми лесами, Над росными болотами, лугами... Орите позвончее, бирючи!

- Давай, мужик, лицо умыть, Сапог обуть, кафтан надеть. Веди меня, вали под нож В единый мах - не то держись: Зубами всех заем, не оторвут! 13.IX.15

ШЕСТИКРЫЛЫЙ Мозаика в Московском соборе

Алел ты в зареве Батыя И потемнел твой жуткий взор. Ты крылья рыже-золотые В священном трепете простер.

Узрел ты Грозного юрода Монашеский истертый шлык И навсегда в изгибах свода Застыл твой большеглазый лик. 14.IX.15

ПАРУС

Звездами вышит парус мой, Высокий, белый и тугой, Лик богоматери меж них Сияет, благостен и тих.

(*379) И чт`о мне в том, что берега Уже уходят от меня! Душа полна, душа строга И тонко светятся рога Младой луны в закате дня. 14.IX.15

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

По лесам бежала божья мать, Куньей шубкой запахнув младенца. Стлалось в небе божье полотенце, Чтобы ей не сбиться, не плутать.

Холодна, морозна ночь была, Дива дивьи и эту ночь творились: Волчьи очи зеленью дымились, По кустам сверкали без числа.

Две седых медведицы в лугу На дыбах боролись в ярой злобе, Грызлись, бились и мотались обе, Тяжело топтались на снегу.

А в дремучих зарослях, впотьмах, Жались, табунились и дрожали, Белым паром из ветвей дышали Звери с бородами и в рогах.

И огнем вставал за лесом меч Ангела, летевшего к Сиону, К золотому Иродову трону, Чтоб главу на Ироде отсечь. 21.X.15

(*380)

СКАЗКА О КОЗЕ

Это волчьи глаза или звезды - в стволах на краю

перелеска?

Полночь, поздняя осень, мороз. Голый дуб надо мной весь трепещет от звездного блеска, Под ногою сухое хрустит серебро.

Затвердели, как камень, тропинки, за лето

набитые.

Ты одна, ты одна, страшной сказки осенней
Коза! Расцветают, горят на железном морозе
несытые

Волчьи, божьи глаза. 29.X.15 Васильевское
СВЯТИТЕЛЬ

Твой гроб, дубовая колода, Стоял открытый,
и к нему Все шли и шли толпы народа В
душистом голубом дыму.

А на доске, тяжелой, черной, Был смуглый
золотой оклад, Блистал твой образ чудотворный
В огнях малиновых лампад.

И, осеняя мир десницей И в шуйцу взяв завет
Христа, Как горько ты, о темнолицый, Иссохшие
смыкал уста! 29.X.15

(*381)

ЗАЗИМОК

Сивером на холоде Обжигает желуди, Листья
и кору. Свищет роца ржавая, Жесткая, корявая,
В поле на юру.

Ходят тучи с ношею, Мерзлую порошею
Стало чаще дуть, Серебрятся озими Скоро под
полозьями Задымится путь,

Заиграет вьюгою, И листву муругую Понесет
смелей По простору вольному, Гулу коло-

кольному Стонущих полей! 29.X.15

* * *

Пустыня в тусклом, жарком свете. За нею - розовая мгла. Там минареты и мечети, Их росписные купола.

Там шум реки, базар под сводом, Сон переулков, тень садов И, засыхая, пахнут медом На кровлях лепестки цветов. 30.X.15

(*382)

АЛЕНУШКА

Аленушка в лесу жила, Аленушка смугла была, Глаза у ней горячие, Блескучие, стоячие, Мала, мала Аленушка, А пьет с отцом - до донушка. Пошла она в леса гулять, Дружка искать, в кустах вилять, Да кто ж в лесу встретится? Одна сосна качается! Аленушка соскучилась, Безделием измучилась, Зажгла она большой костер, А в сушь огонь куда востер! Сожгла леса Аленушка На тыщу верст, до пеленушка, И где сама девалася Доныне не узналося!

ИРИСА

Светло в светлице от окна,

Красавице не спится. За черным деревом луна,

Как зеркальце, дробится.
Комар тоскует в полутьме,
В пуху лебяжьем знойно, А что порою на
уме

И молвить непристойно. (*383) Ириса ды-
шит горячо,

Встает... А ножки босы, Открыто белое пле-
чо,

Смолой чернеют косы.

Ступает на ковер она

И на софу садится... За черным деревом лу-
на,

Склоняясь, золотится.

СКОМОРОХИ

Веселые скоморохи, Люди сметливые, По-
ломайтесь, позабавьте Свет боярина!

Скучно ему во палате! Днем он выспался,
Шашки, сказки да побаски Уж приелися.

На лежаночке в павлинах Сел он, батюш-
ка, В желтом стеганом халате, В ярь-мурму-
лочке.

Шибче, шибче, скоморохи! Ишь как ожил
он! Глаза узкие, косые Засветились,

Все лицо его тугое Смехом сморщилось, Ко-
решки зубов из рта Зачернелись...

Ах, недаром вы, собаки, Виды видывали!
Шибче, шибче! Чтоб соседи Нам завидовали!
(*384)

МАЛАЙСКАЯ ПЕСНЯ L'eclair vibre sa fleche...
L. de Lisle¹

Чернеет зыбкий горизонт, Над белым блеском
острых волн Змеится молний быстрый блеск
И бьет прибой мой узкий челн.

Сырой и теплый ураган Проносится в сыром
лесу, И сыплет изумрудный лес Свою
жемчужную красу.

Стою у хижины твоей: Ты на циновке голубой,
На скользких лыках сладко спишь, И ветер
веет над тобой.

Ты спишь с улыбкой, мой цветок. Пустая
хижина твоя, В ненастный вечер, на ветру,
Благоухает от тебя.

Ресницы смольные смежив, Закрывши
длинные глаза, Окутав бедра кисеей, Ты
изогнулась, как лоза.

Мала твоя тугая грудь, И кожа смуглая
гладка, И влажная нежна ладонь, И крепкая
кругла рука.

(*385) И золотые позвонки Висят на щиколках
твоих, Янтарных, твердых, как кокос,

И сон твой беззаботный тих.

Но черен, черен горизонт! Зловеще грому вторит гром, Темнеет лес, и океан Сверкает острым серебром.

Твои уста - пчелиный мед, Твой смех счастливый - щебет птяц, Но, женщина, люби лишь раз, Не поднимай для всех ресниц!

Ты легче лани на бегу, Но вот на лань, из тростников, Метнулся розовый огонь Двух желтых суженных зрачков:

О женщина! Люби лишь раз! Твой смех лукав и лгал твой рот Клинок мой медный раскален В моей руке - и метко бьет.

Вот пьяные твои глаза, Вот побелевшие уста. Вдувает буря парус мой, Во мраке вьется блеск холста.

Клинком я голову отсек В единый взмах от шеи прочь, Косою к мачте привязал И снова в путь, во мрак и ночь.

Раскалывает небо гром И озаряет надомной По мачте льющуюся кровь И лик, качаемый волной. 1 Молния мечет свою стрелу... Л. де Лиль (франц.).

23.I.16

(*386)

СВЯТОГОР И ИЛЬЯ

На гривастых конях на косматых, На златых стременах на разлтых, Едут братья, меньшей и старшой, Едут сутки, и двое, и трое, Видят в поле корыто простое, Наезжают - ан гроб, да большой:

Гроб глубокий, из дуба долбленный, С черной крышей, тяжелой, томленной, Вот и поднял ее Святогор, Лег, накрылся и шутит: "А впору! Помоги-ка, Илья, Святогору Снова выйти на божий простор!"

Обнял крышу Илья, усмехнулся, Во всю грузную печень надулся, Двинул кверху... Да нет, погоди! "Ты мечом!" - слышен голос из гроба. Он за меч,- занимается злоба, Загорается сердце в груди,

Но и меч не берет: с виду рубит, Да не делает дела, а губит: Где ударит - там обруч готов, Нарастает железная скрепа: Не подняться из гробного склепа Святогору во веки веков!

Кинул биться Илья - божья воля. Едет прочь вдоль широкого поля, Утирает слезу... Отняла Русской силы Земля половину: Выезжай на иную путину. На иные дела! 23.I.16

(*387) СВЯТОЙ ПРОКОПИЙ

Бысть некая зима Всех зим иных лютейша паче. Бысть нестерпимый мраз и бурный ветер, И снег спаде на землю превеликий, И храмины засыпа, и не токмо В путех, но и во граде померзаху Скоты и человецы без числа, И птицы мертвы падаху на кровли. Бысть в оны дни: Святый своим наготствующим телом От той зимы безмерно пострада. Единожды он нощию прииде Ко храминам убогих и хоте Согреться у них; но, ощутивше Приход его, инии затворяху Дверь перед ним, инии же его Бияху и кричаще: - Прочь отсюда, Отыде прочь, Юроде! - Он в угле Псов обрете на снеге и соломе, И ляже посреде их, но бегоша Те пси его. И возвратися паки Святый в притвор церковный и седе, Согнуся и трясыйся и отчаяв Спасение себе.- Благословенно Господне имя! Пси и человецы Единое в свирепстве и уме. 23.I.16

СОН ЕПИСКОПА ИГНАТИЯ РОСТОВСКОГО

Изрину князя из церкви соборныя в полнощь...

Летопись

Сон лютый снился мне: в полн`очь, в соборном храме, Из древней усыпальницы

княж`ой, Шли смерды-мертвецы с дымящими свечами, Гранитный гроб несли, тяжелый и большой.

(*388) Я поднял жезл, я крикнул: "В доме бога Владыка - я! Презренный род, стоять! Они идут... Глаза горят... Их много... И ни один не обратился вспять. 23.I.16

МАТФЕЙ ПРОЗОРЛИВЫЙ

Матфей

Ночь и могильный мрак пещеры... Бушует буря на реке, Шумят леса... Кто это серый Вход заслоняет вдалеке? Опять ты, низкий искуситель?

Дьявол

Я, прозорливец, снова я! Черней трубы твоя обитель, Да ты ведь зорок, как змея, Тотчас заметишь!

Матфей

Гнус презренный, Тебе ль смеяться? Нет лютей Врага для вас во всей вселенной, Чем я, низайший из людей.

Дьявол

Ах, прозорливец! Этим людям Ты враг не менее, чем нам. Давай уж лучше вместе будем Ходить за ними по пятам. Ты мастер

зреть их помышленья, Внедряться в тайну их
сердец, Не вовсе чужд, святой отец, И я поряд-
очного зренья: (*389) Зачем же бесам враждо-
довать? Ты разве хуже бес, чем все мы?

Матфей

Молчи, завистливая тать, Тебе пути мои
невемы.

Дьявол

Ну да, уж где мне! Ты пророк! Ты разруша-
ешь наши козни, Ты топчешь семя зла и роз-
ни, Ты крепко правишь свой оброк! Ты и сто-
кий и стоухий! Спроси тебя: "Ты почему Ис-
следуешь так жадно тьму?" Ты тотчас ска-
жешь: "Там, как мухи, Как червь на падали,
кишат Исчадия земли и ада Я не могу терпеть
их смрада, Я на борьбу спускаюсь в ад". О
ненасытная в гордыне И беспощадная душа!
Нет в мире для тебя святыни, Нет заповедного
ковша, Нет сокровенного потока: Во всех клю-
чах ты воду пил И все хулил: "Вот в этом ил, А
в том - гниющая осока..."

Матфей

Что отвечать мне твари сей, Столь непо-
требной, скудоумной? Мой скорбный рок,
мой подвиг трудный Он мерит мерою своей.

И тьма и хлад в моей пещере... Одежды ветхи... Сплю в гробу... О боже! Дай опору вере И укрепи мя на борьбу! 24.I.16

(*390) КНЯЗЬ ВСЕСЛАВ

Князь Всеслав в железы был закован, В яму брошен братскою рукой: Князю был жестокий уготован Жребий, по жестокости людской. Русь, его призвав к великой чести, В Киев из темницы извела. Да не в час он сел на княжьем месте: Лишь копьём дотронулся Стола. Что ж теперь, дорогами глухими, Воровскими в Полоцк убежав, Что теперь, вдали от мира, в схиме, Вспоминает темный князь Всеслав?

Только звон твой утренний, София, Только голос Киева! - Долга Ночь зимою в Полоцке... Другие Избы в нем, и церкви, и снега... Далеко до света,- чуть сереют Мерзлые окошечки... Но вот Слышит князь: опять зовут и млеют Звоны как бы ангельских высот! В Полоцке звонят, а он иное Слышит в тонкой грезе... Чт`о года Горестей, изгнанья! Неземное Сердцем он запомнил навсегда. 24.I.16

* * * Мне вечер, молодой, скучен терем был, Темен свет-ночник, страшен Спасов лик. Вот-

чим-батютка самоцвет укрыл В кипарисовый
дорогой тайник!

(*391) А любезный друг далеко, в торгу, По-
хваляется для другой конем, Шубу длинную
волочит в снегу, Светит ей огнем, золотым
перстнем. 24.I.16

* * *

Ты, светлая ночь, полнолунная высь!
Подайся, засов,- распахнись, Тяжелая
дверь, на морозный простор,
На белый сияющий двор!
Ты, звонкая ночь, сребролунная даль!
Ах, если б не крепкая паль, Не ржавый за-
мок, не лихой волкодав,
Не батюшкин ласковый нрав! 24.I.16

БОГОМ РАЗЛУЧЕННЫЕ

В ризы черные одели,И ее в свой срок отпе-
ли, Юную княжну. Ангел келью затворил ей,
Старец-схимник подарил ей Саван, пелену.

Дни идут. Вдали от света Подвиг скорбного
обета Завершен княжной. Вот она в соборе, в
раке, При лампадах, в полумраке, В тишине
ночной.

Смутны своды золотые, Тайно воинства
святые (*392) Светят на стенах, И стоит, у ки-

парисной Дивной раки, с рукописной Книгою,
монах.

Синий бархат гробно вышит Серебром...
Она не дышит, Лик ее сокрыт... Но бледнеет
он, читая, И скользит слеза, блистая, Вдоль су-
хих ланит. 25.I.16

КАДИЛЬНИЦА

В горах Сицилии, в монастыре забытом, По
храму темному, по выщербленным плитам, В
разрушенный алтарь пастух меня привел, И
увидал я там: стоит нагой престол, А перед
ним, в пыли, могильно-золотая, Давно потух-
шая, давным-давно пустая, Лежит кадила-
ница - вся черная внутри От угля и смолы, пы-
лавших в ней когда-то...

Ты, сердце, полное огня и аромата, Не за-
бывай о ней. До черноты сгори. 25.I.16

* * *

Когда-то, над тяжелой баркой С широко-
донною кормой, Немало дней в лазури яркой
Качались снасти надо мной...

Пора, пора мне кинуть сушу, Вздохнуть
свободней и полней И вновь крестить нагую
душу В купели неба и морей! 25.I.16

(*393)

ДУРМАН

Дурману девочка наелась, Тошнит, головка разболелась, Пылают щечки, клонит в сон. Но сердцу сладко, сладко, сладко: Все непонятно, все загадка, Какой-то звон со всех сторон:

Не видя, видит взор иное, Чудесное и неземное, Не слыша, ясно ловит слух Восторг гармонии небесной И невесомой, бестелесной Ее довел домой пастух.

Наутро гробик сколотили. Над ним попели, покадили, Мать порыдала... И отец Прикрыл его тесовой крышкой И на погост отнес под мышкой... Ужели сказочке конец? 30.I.16

СОН

По снежной поляне, При мгливой и быстрой луне, В безлюдной, немой стороне, Несут меня сани.

Лежу, как мертвец, Возница мой гонит и воет, И лик свой то кажет, то кроет Небесный беглец.

И мчатся олени, Глубоко и жарко дыша, (*394) В далекие тундры спеша, И мчатся их тени Туда, где конец Страны этой бедной, суровой, Где блещет алмазной подковой Полярный Венец,

И мерзлый кочкарник Визжит и стучит по-
до мной, И бог озаряет луной Снега и кустар-
ник. 30.I.16

ЦИРЦЕЯ

На треножник богиня садится: Бледно-ры-
жее золото кос, Зелень глаз и аттический нос
В медном зеркале все отразится.

Тонко бархатом риса покрыт Нежный лик,
розовато-телесный, Каплей нектара, влагой
небесной, Блещут серьги, скользя вдоль ла-
нит.

И Улисс говорит: "О, Цирцея! Все прекрас-
но в тебе: и рука, Что прически коснулась
слегка, И сияющий локоть, и шея!"

А богиня с улыбкой: "Улисс! Я горжусь
лишь плечами своими Да пушком апельсин-
ным меж ними, По спине убегающим вниз!"
31.I.16

(*395) * * *

На Альпы к сумеркам нисходят облака. Все
мокро, холодно. Зеленая река

Стремит свой шумный бег по черному
ущелью К морским крутым волнам, гудящим
на песке, И зоркие огни краснеют вдалеке,

Во тьме от Альп и туч, под горной цитаде-

ЛЪЮ. 31.І.16